

ФЕНОМЕН ЗАВИСТИ

Homo invidens?

АЛЕКСАНДР ДОНЦОВ

ФЕНОМЕН ЗАВИСТИ

Homo invidens?

Рекомендовано УМО

по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов
высших учебных заведений, обучающихся по направлению
подготовки «Психология» (бакалавриат);
«Психология» (магистратура);
«Психология служебной деятельности»
(специалист)

ЭКСМО

МОСКВА
2014

УДК 159.922.1

ББК 88.53

Д 67

Оформление *С. Курбатова*

Рецензенты:

Вербицкая Л. А., президент Российской академии образования,
президент Санкт-Петербургского университета, академик РАО

Зинченко Ю. П., декан факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова,
президент Российского психологического общества, академик РАО

Миронов В. В., декан философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
вице-президент Российского философского общества, член-корреспондент РАН

Юревич А. В., заместитель директора Института психологии РАН,
член-корреспондент РАН

Донцов, Александр Иванович.

Д 67 **Феномен зависти: Homo invidens? / Александр Донцов.** — Москва : Эксмо, 2014. — 512 с.

ISBN 978-5-699-74716-0

Что такое зависть? Если кратко и просто: глубоко укоренившаяся естественная реакция человека на чье-либо превосходство... С древнейших времен людям была свойственна печаль о благополучии ближних. Зависть не только терзает душу и тело завистника, истощает его, но и доставляет мучения окружающим, следовательно, является порочной. Чему чаще всего завидуют? Деньгам, славе, красоте, здоровью? В чем секрет живучести зависти? Ведь люди не перестают и не устают завидовать! Может, находят удовольствие в этом страдании? Или мы созданы разноуспешными и завистливыми, дабы не почивать на лаврах, а стремиться к большему? Эта лишь малая толика вопросов, которые поднимает автор. Ответы на них и на многие другие можно найти в этой книге, которая, надеемся, заинтересует читателя.

УДК 159.922.1

ББК 88.53

ISBN 978-5-699-74716-0

© Донцов А. И., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Грушеньке
с любовью и восхищением

Не умею завидовать. Есть чему и кому, но не получается. Причина, полагал, глубокий ум, ироничность, благородство натуры и иные достоинства, очевидные даже по фотографии. Ларошфуко, однако, настаивает, «всецело предаться одному пороку нам обычно мешает лишь, то, что у нас их несколько». Вспомнил о лени, тревоугодии, вспышках гнева и не только. Не они ли уберегли от зависти? Да и что она такое? Решил разобраться. Присоединяйтесь. Будет интересно!

ПРЕДИСЛОВИЕ

Спасибо, что в наше суетное время, когда и газеты перестали читать, вы открыли книгу с мудреным названием. *Homo invidens* означает «человек завистливый». Не ищите это словосочетание в психологических, социологических и философских словарях: оно туда не успело попасть. А должно бы. Почему? Если вам это интересно, вы держите нужную книгу. Я несколько лет дотошно и с азартом собирал для нее материал, вдумчиво его изучал и готов искренне поделиться с вами. Уверен, в ней вы найдете кое-что новое.

Можно ли мне доверять? Надеюсь. Поручкой тому — солидный жизненный и профессиональный опыт. Мне 65, из них 30 счастливо женат на знаменитой писательнице Дарье Донцовой. Круг общения — широкий и разнообразный, а с учетом моих многолетних административных обязанностей — еще и весьма многоплановый. Словом, понаблюдать, как ведут себя люди в горе и радости, пришлось вдоволь. Профессиональными навыками человековедения тоже не обделен. Учился им у выдающихся профессоров факультета психологии Московского университета, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал на должностях от ассистента до декана, а ныне служу профессором, преподаю социальную психологию. Хорошо знаю, ученые степени и звания проницательности не гарантируют, но от очевидной глупости предлагаемый вашему вниманию текст избавляют. Студенты за лекцию иногда благодарят аплодисментами, и даже коллеги, бывает, внимают с интересом. Думаю, мне есть что сказать, а вам — услышать.

ФЕНОМЕН ЗАВИСТИ

К сожалению, уважаемый читатель, не знаю, кто вы и чем занимаетесь. Если вы профессиональный психолог, мы с вами, вероятно, встречались, очно или заочно. Пользуясь этим знакомством, сразу предупрежу, данная работа далека от привычных академических стандартов, которые, как вам известно, мне подвластны. Без ложной скромности полагаю, в ней предпринята попытка последовательно реализовать новый стандарт со старым названием — культурно-историческая методология исследования. Правда, культуру и историю я понимаю существенно шире, чем это традиционно принято.

И все же, коллега-психолог, книга адресована не только вам. Пропало желание быть производителем заумных психологических текстов, понятных лишь узкому кругу профессионалов, если они удосужатся их просмотреть. А на сольную партию, которую можно было бы предложить просто думающим людям, сил и мастерства не хватало. Да и усвоенная с научного детства привычка робко оглядываться на академические авторитеты шагать вне строя не позволяла. Кроме того, как вам, коллега, известно, большую часть жизни мне приходилось возглавлять и представлять различные научно-педагогические сообщества — кафедру социальной психологии, затем факультет психологии Московского университета, Российское психологическое общество и прочее по совместительству. Как ни старайся, глашатаю трудно иронизировать по поводу произносимых речей. Искренняя реакция на юмор предполагает равенство собеседников, иначе — подобострастное хихиканье, меня оно не прельщает.

Сейчас ощущаю необыкновенную легкость и свободу. В том числе в мыслях. Проснулось полузабытое желание не по программе свободно поговорить с умным человеком. С вами, уважаемый читатель. Уверяю вас, это обращение — не потаенная попытка заранее снискать вашу благосклонность. Как любому автору, мне, разумеется, хочется, чтобы вы с восхищением закрыли книгу, дочитав до конца. Но даже если вы это сделаете прямо сейчас, я найду средства защитить самооценку. Надеюсь, конечно, они не потребуются и нам удастся степенно побеседовать о главной проблеме гуманитарного знания — проблеме человека. Но человека как такового, во всей тотальности его бытия, сказал бы философ, а не об излюбленных психологией частных особенностях его восприятия, мышления, памяти, мотивации, эмоций и т.п. «психиче-

ских процессов и функций». Задержимся на минуту на слове «функция». Восходящее к латинскому *functio* — «исполнение», «отправление», «деятельность», в современных толковых словарях русского языка оно трактуется как явление, зависящее от другого явления и изменяющееся по мере его изменения, либо как работа, производимая организмом или отдельным органом, либо как круг служебных обязанностей, либо как роль, значение чего-нибудь¹. Услышав это слово, всегда прошу уточнить: чья функция? Мозга? Человека? А он-то что собой представляет? Не проще и с «процессом» (восходит к латинскому *processus* — «продвижение»), толкуемым как ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена его состояний². Тот же вопрос: что «идет», «развивается» и «сменяется»? Опять не уйти от раздумий о природе человека в целом.

Счастлив за вас, уважаемый читатель, если ваш интеллект не порабощен знанием многочисленных частных теорий всех этих психических функций и процессов. С вами мы можем непредвзято обсудить природу человека как такового, прислушиваясь к авторитетам, но не потрафляя им. И еще. Я как-то поделился замыслом этой работы с весьма искушенным коллегой. «Сейчас я тебе все объясню», — быстро произнес он. Ответ был готов раньше, чем сформулирован вопрос. Не будем торопиться и заглядывать в конец детектива. В человеке ведь интересна интрига, а не финал его земной жизни. Последний известен, неминуем и идентичен. Поучимся у великого Сократа искусству вопрошать. Прорицать истину предоставим дельфийскому оракулу. А спросить у него нам явно есть о чем: человек по сей день остается одной из величайших загадок всех времен и народов. Об этом свидетельствуют и насчитывающая несколько тысячелетий история повсеместных, но тщетных попыток понять его происхождение и предназначение, и отсутствие однозначного ответа на вопрос «кто он?». Определение, учат философы, — логическая процедура придания строго фиксированного смысла терминам языка. Слово «человек» — из наиболее употребимых в русском и любом ином языке. Какими же отли-

¹ См.: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. С. 1059.

² Там же. С. 771.

чительными свойствами должно обладать некое существо, чтобы его по праву причислили к группе людей?

Вспомнив наиболее популярные дефиниции, первым среди подобных свойств следовало бы, по-видимому, назвать разумность. *Homo sapiens* – всякий чуточку образованный человек хотя бы раз не без удовольствия слышал и не без гордости провозглашал этот очевидный комплимент мыслительным способностям себе подобных. Сомневаюсь, что великий шведский натуралист К. Линней, который ввел в научный оборот этот термин для обозначения неандертальцев, кроманьонцев и современных людей, рассчитывал, насколько лестным окажется это словосочетание для современников и благодарных потомков. Не менее известное атрибутивное определение человека – *homo faber* – «ремесленник», «созидатель», то есть существо производящее. Самое время принести хвалу Создателю за вместительный череп, прямохождение и хорошо развитый, полностью противопоставленный остальным, большой палец руки. Ведь благодаря этому человек научился точно манипулировать предметами, создавать и использовать орудия, другими словами, выживать, невзирая на очевидную биологическую неприспособленность. Не случайно один из исчезнувших видов ранних гоминид, овладевших навыками обработки камней около двух миллионов лет назад, антропологи именуют *homo habilis* – «человек умелый». Некоторые авторы, восхищенные созидательными возможностями человека, поспешили провозгласить его творцом – *homo creator*, что, разумеется, было благосклонно воспринято читающей публикой (оставим философам обсуждение вопроса о критериях, пределах и последствиях человеческого творчества). Поскольку одним из главных результатов творческой активности людей являются символы, прежде всего слова, Э. Кассирер предложил назвать человека существом символическим – *homo symbolicus*. Еще одним отличительным свойством человека, заслуживающим упоминания в этом ряду, является его общественный характер. Политическим животным именовал человека Аристотель, экономическим его окрестили на заре европейского Нового времени, а уж вызубренную в студенческие годы формулу человека как «совокупности всех общественных отношений» гуманитарии старшего поколения вспомнят и разбуженные ночью. Ориентируясь на реестры отличительных свойств человека, составленные

серьезными философами, к названным характеристикам добавлю лишь две: отмеченную Б. Спинозой способность, познав необходимость, обрести свободу (*homo liber*), и раскрытый Й. Хёйзингой дар игрового отношения к действительности (*homo ludens*). Мне симпатичны попытки представить смех и стыд как прерогативу человека, но по мордам и хвостам наших мопсов знаю, они тоже способны их испытывать.

Подводя итоги блицобзора трактовок человека, испытываю два взаимоисключающих чувства: глубокого удовлетворения от принадлежности к виду, обладающему столь значительными достоинствами (разум, свобода, созидание, творчество...), и глубокого сомнения, любой ли представитель данного вида — *homo naturalis* — в полной мере владеет этим богатством. Разумеется, слегка поднатужившись, каждый назовет несколько разумных, деятельных, творчески одаренных, социально адаптированных и по-своему свободных современников, хотя эти дары чаще встречаются не оптом, а в розницу. Увы, люди, лишённые подобных способностей, всплывают в памяти без запинки. Складывается впечатление, перечисленные отличительные свойства человека не столько задают границу между ним и иными живыми существами, сколько выделяют «отличников» рода человеческого. Получается нечто схожее с застывшими физиономиями передовиков производства на доске почёта советского времени.

Авторы статьи «Человек» в 4-томной «Новой философской энциклопедии», посетовав на отсутствие развитой и общепринятой концепции человека, отмечают: «Вся история философской мысли и есть в значительной мере поиск такого определения природы человека и смысла его существования в мире, которое, с одной стороны, полностью согласовывалось бы с эмпирическими данными о свойствах человека, а с другой — высвечивало бы в будущем перспективы его развития»¹. Стало быть, стратегия философских поисков человеческого естества состоит в попытке совместить его нынешнюю жизненную реальность с тем обликом, который оно сможет и должно приобрести в неблизком благоприятном будущем. Реализуя названную стратегию,

¹ Фролов И.Т., Борзенков В.Г. Человек // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 344.

философы и философствующие представители конкретных человековедческих дисциплин сосредоточили усилия главным образом на проектировании идеального Человека, царство которого наступит в светлом завтра. Почему конструирование эталона стало центральным предметом раздумий о судьбе человека? Причин много. Во-первых, мечты о прекрасном будущем, как и прошлом, — лучшее лекарство от тягот настоящего. Во-вторых, нет мыслителя, который втайне не мечтал бы прослыть пророком. В-третьих, кроме славы пророка, проектирование человека позволяет надеяться на статус и гонорары творца: идеал ведь не просто манит, но и продается заказчику в упаковке всяческих «развивающих» тренингов, консультирования и т.п. Итог? Конструкт человека, напоминающий монументального слащавого Франкенштейна, небрежно сшитого из плохо подогнанных достоинств и озабоченного идеей непрестанного самосовершенствования.

Не будем чрезмерно иронизировать. У А.А. Гусейнова, отвечающего на вопрос «что же мы такое?», нашлись весомые аргументы для вывода, что «человека в природном, физическом мире отличает его нежелание примириться со своим положением. Он не отождествляет себя со своим эмпирическим бытием, телесностью, пассивно — страдательным статусом в мире, со своей тварностью. Человек — существо, и, видимо, единственное существо, которое взбунтовалось против своего существования»¹. Автор называет человека «животным, устыдившимся своей животности», настаивая: «Внутреннее недовольство, отрицательное отношение человека к своему наличному бытию — не одно из психологических свойств человека, а самая основа его психологии»². Сказано возвышенно, и не хочется спорить, тем более в «Античной этике»³ тот же автор убедительно показал: моральные каноны, осмысленные и сформулированные древними мудрецами, — не просто игра досужего ума философов. В их утверждении восторженные последователи обретали столь полное счастье, что готовы были заплатить за него самой жизнью. Впрочем, и без экзальтированной веры в строгую добродетель как дорогу к бессмертию, «этика, — подчеркивает другой

¹ Гусейнов А.А. Что же мы такое? // Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. М., 2007. С. 100.

² Там же. С. 94.

³ Гусейнов А.А. Античная этика. М., 2004.

философ, — является чудесным средством, благодаря которому человек может сохранить себя посреди тягот и соблазнов, может свободно говорить о самом себе как о самом важном на свете, задаваться вопросами о сверхнеобходимом»¹.

Здесь, уважаемый читатель, предлагаю задуматься: обоснован ли тезис о «недовольстве как сущностном состоянии человека»²? Если не вдаваться в дискуссию о природе сущности и «сущностным состоянием» считать нечто важное, думаю, это весьма верное определение. Многое из того, что современная психология знает о человеческих эмоциях и мотивации поведения, вполне ему соответствует. Достаточно вспомнить неоднократно зафиксированную ненасыщаемость человеческих потребностей. Еще Аристотель отмечал: вожеление не имеет предела и люди желают бесконечно. Обратившись к повседневному опыту и здравому смыслу, мы моментально вспомним массу вечно брюзжащих сограждан и анекдоты типа «если вам больше 30 и, проснувшись утром, вы не почувствовали никаких недомоганий, скорее всего, вы в раю». Состояние здоровья, размер зарплаты и квартиры, воспитанность детей, верность супругов, действия начальников, погода, наконец, — как правило, оставляют желать лучшего. Реже, но встречались на жизненном пути люди, болезненно недовольные собой. Один из классиков психоанализа Альфред Адлер (1870–1937) ставил им диагноз «комплекс неполноценности». Впрочем, не обязательно тревожить покой психоаналитиков. Поговорив «по душам» с близкими, вы и сами убедитесь, недовольство жизнью и даже собой — не исключение, а правило нашего менталитета.

Не будем слишком строги в оценке оснований этого тотального недовольства: фантомные боли в ампутированной конечности — медицинский факт. И все же, уважаемый читатель, не возникало ли у вас ощущение: чужие неприятности не столь фатальны, как собственные? Не случайно же мы с легкостью рекомендуем опечаленным друзьям не расстраиваться по пустякам, хотя самим подобный совет никогда не приносил утешения. То есть не везет, конечно, всем, но по-разному. И тут — эврика! — «эпохальное» открытие: все люди похожи по потреб-

¹ Дубко Е.Л. История европейской этики. М., 2007. С. 5.

² Гусейнов А.А. Что же мы такое? С. 94–95.

ностям, но весьма не равны по возможностям преодолеть барьеры, возникшие на пути стремлений. Кому-то, как мы непременно обнаруживаем, дается легче выбраться из трясины всеобщего невезения. Почему счастье улыбнулось кому-то, а не мне? Господь помог? Случай подвернулся? Связи сработали? Или он и вправду умнее и работоспособнее? Возможно, читатель, ваше личное знакомство с чьим-либо превосходством в чем-то относительно значимом произошло по иному сценарию. Но в том, что оно состоялось, — увы — сомневаться не приходится. Достоверно известно лишь об одном персонаже, абсолютно уверенном в своем полном совершенстве. Догадались? Это сын речного бога Кефиса и нимфы Лариопы прекрасный юноша Нарцисс. Согласно древнегреческим мифам, увидев свое отражение в зеркальной глади источника, он влюбился в него, долго не мог оторваться от лицезрения самого себя и в конце концов умер от неразделенной любви, превратившись в одноименный цветок. Только ли мифическому Нарциссу присуще самолюбование? Поскольку термин «нарциссизм» более столетия активно используется психоаналитиками, идеализировать собственную личность научились и простые смертные. Понятно, самоуважение — необходимое условие выживания любого человека. Но поклонение себе любимому, радостная улыбка своему зеркальному отражению — удел особых — нарциссических — личностей, отличающихся хвастливой самонадеянностью, завышенной потребностью в восхищении окружающих. Помните, одна из пушкинских героинь постоянно требовала у зеркала подтвердить свою исключительную красоту? И если даже ее посещали сомнения, что говорить о нас с вами, читатель. Не обладая столь раздутым Я-образом, мы-то знаем, есть некто и милее, и краше. Можно продолжить: и здоровее, и богаче, и удачливее... Как мы относимся к людям, обладающим тем желанным, чего лишены сами? Искренне восхищаемся? Уважаем и преклоняемся? Берем за образец и пытаемся добиться того же? Опускаем руки и впадаем в уныние? Возмущаемся и ненавидим? Стремимся присвоить или уничтожить чужой дар? Остаемся невозмутимо спокойными? «По-разному», — возможно, ответите вы, и будете правы. Но от чего зависит это «по-разному»? От того, кто и каковы мы сами? От того, кто и каковы обладающие нам недостающим? От того, каковы объекты нашего вожделения, волею судьбы до-

ставшиеся не нам, а «им»? От ситуации и обстоятельств, в которых мы оказались?

Реакция на чужой успех, о котором трубят средства массовой информации, регулярно сообщают наши собственные ощущения, — настолько важная особенность жизни современного человека, что вполне достойна стать предметом специального расследования. Слово «рейтинг», еще недавно известное лишь специалистам, сегодня общепонятно. Дело не только в выборных технологиях, ставших достоянием гласности. Вся наша публичная жизнь насквозь пропитана атмосферой конкурса (кастинга, рекрутинга, лотереи и т.п.). А в них, известно, подавляющее большинство проигрывает. Божество миллионов, успех всегда торжество единиц. А ведь так хотелось угадать букву, слово, мелодию, получить грант, премию, быть номинированным, сорвать джек-пот, купить машину получше. Но искомую должность получил коллега, шавка соседа отхватила приз на собачьей выставке, близкий родственник отправился на отдых не в дальнее Подмосковье, а на Красное море, детей из квартиры напротив ставят нашим в пример. Мы-то чем хуже? Не так давно услышал в своей компании очередной анекдот о золотой рыбке. Пообещав, как обычно, исполнить любое желание, в этот раз она предупредила просителя, что его соседу то же самое достанется вдвойне. В ответ без запинки прозвучало: «Лиши меня, золотая, одного глаза». Рассказчик умолк, ожидающе улыбнулся, но реакции не последовало, перешли на другую тему. По-видимому, этот дикий запрос не прозвучал вызывающей смех неожиданностью. Один из моих любимых остроловов Франсуа де Ларошфуко (1613–1680) съязвил: «У нас у всех достанет сил, чтобы перенести несчастье ближнего» («Максимы», 19). А счастье? Способны ли мы сорадоваться? Или «наша зависть всегда долговечнее чужого счастья, которому мы завидуем» («Максимы», 476)?

В наш разговор, вы заметили, тихонько проникло заглавное слово «зависть». Понятно, почему тихонько: «Люди часто похваляются своими преступными страстями, но в зависти, страсти робкой и стыдливой, никто не смеет признаться» («Максимы», 27). Поскольку мы беседуем доверительно, с глазу на глаз, давайте, положи руку на сердце, признаемся: это чувство хотя бы единожды посещало и нас. И уж совсем незачем скрывать, когда мы сами добивались чего-то значимого